

УДК 821.161.1

## ПОЧВЕННИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Н. КРУПИНА

А. А. КАБЫЛКОВА<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется продолжение традиций почвеннической прозы русского зарубежья первой волны эмиграции в творчестве современного автора В. Н. Крупина. Сопоставляются произведения В. Н. Крупина «Крестный ход», «Сергий Радонежский», «Афон» с произведениями И. С. Шмелева «Богомолье» и Б. К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» и «Святая земля. Там, где прошли стопы Его» соответственно. Сделан вывод о том, что при описании паломнического похода и И. С. Шмелев, и В. Н. Крупин стремятся максимально приблизить традиционный литературный вид (повесть) к путевому очерку. Отмечено, что при обращении к повести (Б. К. Зайцев) и рассказу (В. Н. Крупин) авторы активно используют структурные элементы канонического жития святых. Утверждается, что и в творчестве представителей русского зарубежья первой волны эмиграции, и в произведениях В. Н. Крупина традиционные литературные виды – повесть, рассказ – приобретают специфические черты путевых очерков, житий, тем самым подчеркивается идейное содержание и более точно раскрывается православная тематика.

**Ключевые слова:** почвенничество; православие; литературный вид; повесть; путевой очерк; рассказ; житие; идея; стиль; паломническая проза.

## ПОЧВЕНІЦКІЯ ТРАДЫЦЫІ ПЕРШАЙ ХВАЛІ РУСКАЙ ЭМІГРАЦЫІ Ў ТВОРЧАСЦІ У. М. КРУПІНА

А. А. КАБЫЛКОВА<sup>1\*)</sup>

<sup>1\*)</sup>Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца працяг традыцый почвеніцкай прозы рускага замежжа першай хвалі эміграцыі ў творчасці сучаснага аўтара У. М. Крупіна. Супастаўляюцца творы У. М. Крупіна «Хрэсны ход», «Сергій Раданежскі», «Афон» з творамі І. С. Шмялёва «Багамолле» і Б. К. Зайцава «Прападобны Сергій Раданежскі» і «Святая зямля. Там, дзе прайшлі ступні Яго» адпаведна. Зроблена выснова аб тым, што пры апісанні паломніцкага паходу і І. С. Шмялёў, і У. М. Крупін імкнуцца максімальна наблізіць традыцыйны літаратурны від (апавесць) да падарожнага нарыса. Адзначана, што пры звароце да апавесці (Б. К. Зайцаў) і апавядання (У. М. Крупін) аўтары актыўна выкарыстоўваюць структурныя элементы кананічнага жыцця святых. Сцвярджаецца, што і ў творчасці прадстаўнікоў рускага замежжа першай хвалі эміграцыі, і ў кнігах У. М. Крупіна традыцыйныя літаратурныя віды – апавесць і апавяданне – набываюць рысы, спецыфічныя для падарожнага нарыса, жыцця, тым самым падкрэсліваецца ідэйны змест і больш дакладна раскрываецца праваслаўная тэматыка.

**Ключавыя словы:** почвеніцтва; праваслаўе; літаратурны від; апавесць; падарожны нарыс; апавяданне; жыццё; ідэя; стыль; паломніцкая проза.

### Образец цитирования:

Кабылкова А. А. Почвеннические традиции первой волны русской эмиграции в творчестве В. Н. Крупина // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 1. С. 40–48.

### For citation:

Kabylkova A. A. Nativism traditions of the first wave of Russian emigration in the works by V. N. Krupin. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 40–48 (in Russ.).

### Автор:

Александра Александровна Кабылкова – аспирантка кафедры русской литературы филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Скоропанова.

### Author:

Aliaksandra A. Kabylkova, postgraduate student at the department of Russian literature, faculty of philology.  
7193620@tut.by

## NATIVISM TRADITIONS OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE WORKS BY V. N. KRUPIN

A. A. KABYLKOVA<sup>a</sup>

<sup>a</sup>*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the preserving of nativism traditions of Russian-language literature abroad during the first wave of emigration in the creative work of the modern writer V. N. Krupin. There were compared the works of some writers: V. N. Krupin and I. S. Shmelev («Religious procession» and «Pilgrimage»), V. N. Krupin and B. K. Zaytsev («Sergiy Radonezhskiy» and «The Reverend Sergiy Radonezhskiy», «The Holy Mt. Athos» and «The Holy Earth. There, where His footstep»)). The author makes the conclusion that by the using of the traditional kind of genre (narrative) to describe the pilgrim campaign the both authors – I. S. Shmelev and V. N. Krupin attempt to rich the aim to do the narrative closer as much as possible to the travel notes. Also by the examination of the genre – the narrative (by B. K. Zaytsev) and short story (by V. N. Krupin) it was found that the authors often used the structure elements of canonical hagiography. So, it may be assumed that in the creative work of representatives of Russian-language literature abroad during the first wave of emigration and of V. N. Krupin as well the traditional literary genres of narrative, short story obtain the specific marks of the travel notes and hagiographies, thereby they underline the main ideas and disclose orthodox themes.

**Key words:** nativism trend; Orthodoxy; literary genre; narrative; travel notes; short story; hagiography; idea; style; pilgrimage prose.

Сегодня творчество Владимира Николаевича Крупина – это то связующее звено между русской классикой середины XX в. и литературой XXI в., которое позволяет сохранить лучшие традиции прошлого и способствует развитию литературы в современных условиях. Верный идеалам добра, красоты, честности, веры, в первые десятилетия XXI в. В. Н. Крупин выступает с открытой проповедью православных духовно-нравственных ценностей. Наличие литературно-критических и литературоведческих работ, посвященных творчеству В. Н. Крупина, доказывает, что его произведения актуальны и значимы в мире литературы. Среди наиболее авторитетных исследований можно отметить работы Н. А. Сатаевой «Современная советская проза 60–70-х гг. и народно-смеховые традиции» (1986), Л. Н. Скаковской «Проза В. Крупина (проблематика и поэтика)» (1994), Н. Л. Федченко «Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов (В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова)», С. В. Беловой «Своеобразие художественно-публицистической манеры Владимира Крупина» (2004), Т. В. Коршуниковой «Жанровые модификации в творчестве В. Н. Крупина», О. В. Рыбак «Художественная концепция личности в творчестве В. Н. Крупина» (2009). Произведения 2010-х гг. еще недостаточно изучены филологической наукой, хотя обладают несомненной эстетической значимостью, способствуют национально-религиозному возрождению, а из-под пера писателя выходят все новые произведения, в большинстве случаев остающиеся неисследованными.

Идейно-философской основой творчества В. Н. Крупина является почвенничество, главная идея которого заключается в утверждении об особой «национальной почве» как фундаменте общественно-политического и духовного развития России. Такой «почвой», по мнению идеологов почвенничества, становятся идеалы и ценности православия, противостоящие прагматизму западной цивилизации.

Берущее начало в произведениях Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, в послереволюционный период почвенничество было признано реакционным, его запретили, поэтому возможность открыто поддерживать данную традицию оставалась лишь у писателей русского зарубежья. Ее продолжали И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, частично И. А. Бунин.

Как отмечает А. Ю. Горбачев, после 1917 г. вместе с так называемыми пережитками прошлого стала истребляться и духовная опора русского народа – православие [1]. Уже находясь за рубежом, писатели почвеннической ориентации обращаются к теме веры и ее значимости в жизни человека. Дистанция между описываемыми реалиями и временем создания произведения накладывает определенный отпечаток на стиль. В текстах появляется больше оценочных характеристик, элементов психологизма, ведь писатели вспоминают то, что для них особенно дорого, важно, рассуждают о пути нравственного спасения далекой родины.

Христианские ценности были духовно-нравственным ориентиром на всех этапах творчества и нашего современника В. Н. Крупина. Несмотря на то, что с открытой проповедью православия писатель получил возможность выступать только с 1990-х гг., православная символика и образность присущи и более ранним его произведениям. В начале XXI в. В. Н. Крупин широко и активно использует в своем творчестве религиозные мотивы. Подобно И. С. Шмелеву и Б. К. Зайцеву, В. Н. Крупин все чаще повествует о жизни верующих, их идеалах, подробно рассматривает православную обрядность.

В 1931 г. в Белграде впервые была опубликована повесть И. С. Шмелева «Богомолье». В книге описывается поездка мальчика Вани в Троице-Сергиеву лавру – древнерусский монастырь, основанный Сергием Радонежским. Подобное описание находим и в повести В. Н. Крупина «Крестный ход» (1994). При анализе произведения будем придерживаться позиции А. Н. Безрукова, трактующего повесть как «вид эпического произведения средней или большой формы, построенного в виде повествования о событиях в их естественной последовательности» [2, с. 47]. Однако В. Н. Крупин, отвечая на наше письмо, подчеркивал, что «“Крестный ход” никакая не повесть, путевой очерк. Ценен фактологией – так было. Шли, было нас двести человек, сейчас идет по 60–80 тысяч»<sup>1</sup>. Автор смешивает виды литературы и журналистики, подчеркивая особую актуальность и социальную значимость событий, описываемых в произведении. Принимая своеобразную формулировку автора, можно отметить, что и повесть И. С. Шмелева похожа на путевой очерк. Согласно Г. В. Колосову путевой очерк – это «художественно-публицистическая модель реального мира. Причем окружающая действительность в нем должна не просто фиксироваться, а изображаться зримо, в образах. Очеркист, придерживаясь фактической основы, моделирует своим воображением картину “кусочка жизни”» [3, с. 14].

К путевому очерку повести приближаются также благодаря автобиографическим образам нарратора. У В. Н. Крупина события описываются с точки зрения взрослого богомольца, который не в первый раз участвует в крестном ходе, у него есть определенный жизненный опыт, четкая позиция относительно многих вопросов веры, культуры, политики. Читатель знакомится с достаточно обоснованным мнением относительно многих вопросов. Повествование в произведении И. С. Шмелева «Богомолье» ведется от имени мальчика Вани, будущего писателя. Такая позиция выбрана неслучайно, ведь именно ребенок может максимально искренне и открыто воспринимать окружающий мир. И если взрослые идут к исповеди и причастию, то для светлой детской души важно получить наставление и благословление старца Варнавы Гефсиманского.

В повести «Крестный ход» В. Н. Крупин детально описывает не только подробности шествия к святыне, но и рассказывает о попутчиках, людях, идущих к Велікоресецкой купели. Хотя автор оговаривается о том, что перед ним нет цели изучить психологию этих людей (*Я упрекаю себя, что втравливаю старух в рассказы, это нехорошо. Не изучаю же я, в самом деле, психологию и характеры идущих на Великую, сам иду* [4, с. 377]), образы получаются яркими и завершенными. В повести И. С. Шмелева мы также видим целую галерею образов русских людей, которые идут к святыне.

Оба писателя отмечают, что к истинной вере в Бога приходят люди, совершенно непохожие друг на друга по социальному положению, возрасту, роду деятельности. Так, в повести И. С. Шмелева в один ряд ставятся и достаточно обеспеченная семья Вани, и простой работник Федя, и мастер Аксенов, и больной Михаил. В произведении В. Н. Крупина также подчеркивается, что православные святыни одинаково важны для разных людей: в Великой Пасхе принимают участие и простые сельские жители, и городская интеллигенция (*...врач Нина, Наташа, преподаватель института, и я. Еще вперед ушли наши знакомые, ученые-физики из Обнинска, Алексей и Николай, и Люда, музейный работник* [4, с. 332]; *...подходит мужчина, представляется историком* [4, с. 374]). Также ни В. Н. Крупин, ни И. С. Шмелев не делят богомольцев по возрасту, при этом молодежь всегда следует рядом с людьми постарше: *Впереди бегут, прискакивают две девчушки Маша и Надя. Это какие же родители родили таких неугомонных, откуда только в них силы – все бегом, все вприпрыжку. А ведь скоро третий день, как идем с ночи до ночи* [4, с. 396]. У И. С. Шмелева связь поколений (Ваня – Горкин, Домна Панферовна – Анюта) – это основа повествования. Писатели искренне радуются тому, что православие объединяет поколения русских людей, связывает прошлое, настоящее и будущее.

Мы видим единение не только современных авторам поколений, но и людей из разных эпох. Даже время не способно изменить веру. Несмотря на прогресс, социальные перемены, научное развитие православные традиции неизменны. Как отмечает В. Н. Крупин, люди эти традиции чтут и продолжают, сохраняя их в том же виде, что и прежде: *Точно так же, и по этим самым местам, и сто, и двести, и триста лет назад шли такие же богомольцы и точно так же воспевали славу Николаю Мирликийскому чудотворцу* [4, с. 373]. Люди верят в Бога, стремятся к пониманию основ христианства. При этом не всегда важно то, насколько это будет соответствовать канону. Верующие не обладают определенными знаниями, но их душа стремится к духовности. Те, кто знает больше, помогают тем, кому этих знаний не хватает.

Обе повести пронизаны оптимизмом и особой душевной теплотой. Авторы показывают удивительную силу духа, жизнелюбие русских людей, прежде всего женщин. Неизменно радостное восприятие жизни – следствие глубокой веры в Бога: *Любое препятствие, любую неприятность, трудность, они воспринимают с радостью, как заслуженное наказание* [4, с. 364]. Уныние, один из смертных

<sup>1</sup> Письмо В. Н. Крупина А. А. Кабылковой от 25 июня 2017 г. (личный архив автора).

грехов, не свойственно героям произведений. Героиня повести И. С. Шмелева старушка мать больного Михаила верит, что сын поправится, Горкин в утешение говорит, что по вере и дается, а у Господа нет конца милосердию [5, с. 431].

Герои В. Н. Крупина также не поддаются унынию, но их размышления касаются не только личной жизни, но и будущего всего государства: *Зачем ныть? Что толку? Не мы ли своим нытьем о том, что Россия гибнет, помогли ее гибели? То-то злорадства было врагам: глядите, кричали они, эти русские сами говорят, что гибнут!* [4, с. 366]; *Нытье, стоны, уныние – все это грехи. И не воображай, что ты спасаешь весь народ. Как батюшка Амвросий говорил? «Знай себя и будет с тебя»* [4, с. 365]. Пока люди молятся, пока живо православие, по убеждению В. Н. Крупина, Россия не погибнет: *Молитвы не вывезти, душу не убить – бессмертна Россия*<sup>1</sup> [4, с. 366].

Цель пути у героев И. С. Шмелева и В. Н. Крупина одна – покаяние, очищение душ. Горкин говорит: *У Бога все хорошее, все-то новенькое да чистенькое, как те досточка строгана... а сами себя поганям! Всякая душа, ну... как цветик полевой-духовитый. Ну, она, понятно, в баньку духовную, во глагольную, как в Писаниях писано: «В баню водную, во глагольную!» Потому и идем к преподобному – пообмыться, обчиститься, совлечься от грязи-вони...* [5, с. 432]. За покаянием и очищением идут и герои В. Н. Крупина: *Родина моя, родные мои люди идут к твоему святому месту в Великорекское. За чем идут? За тем, чтоб еще на год сжалился Господь и дал хоть малое, незаслуженное нами, благоденствие* [4, с. 354].

При описании пути персонажей к святыням в обоих произведениях особое внимание уделяется красоте родной природы. Так, в повести И. С. Шмелева находим следующее описание: *Небо – как на святых картинках, чудесного голубого цвета, такое радостное. Мягкая, пыльная дорога, с травкой по сторонам, не простая дорога, а святая* [5, с. 419]. Живя далеко от Родины, писатель с особой нежностью вспоминает русскую природу. При этом подчеркивается не просто факт существования конкретных объектов по пути в монастырь, а особое настроение, которое вызывает окружающая путников природа.

Подобным светлым, радостным настроением пронизаны и зарисовки В. Н. Крупина: *Марево исчезло, четкий зеленый лес манит прохладой, озими мешают изумрудный блеск с серебряными пятнами, а пятна бегут по зелени, как ягнята. Вверху лучезарно, сияет светлое, нежаркое солнце, растворяет голубые небеса. Деточки защебетали, вон девочка отбежала за цветочками, мальчики затеяли возню. Так что же лучше?* [4, с. 349]. Подробные описания природы создают особую атмосферу предстоящего праздника встречи со святым местом. Это чувство одинаково воплощается в обеих повестях, потому что оба автора, во-первых, глубоко верующие люди, во-вторых, являются настоящими патриотами. Кроме того, писатели осознают, что эта красота, возможно, на грани исчезновения. Оба автора видят перемены в жизни государства, однако неясно, к чему эти перемены могут привести, останется ли нетронутым то, что так дорого русским людям. Вероятно, поэтому картины природы подаются так развернуто и ярко.

Фундаментальными нравственными понятиями, разрабатываемыми в рассматриваемых произведениях, являются понятия веры и святости. Писатели подчеркивают значимость православной веры в жизни русского человека. Кроме уважения к традициям прошлого, честности, любви, веры, ответственности в систему нравственных ценностей И. С. Шмелева и В. Н. Крупина входят такие понятия, как доброта, альтруизм, отзывчивость, бескорыстие.

Сравнив повести И. С. Шмелева «Богомолье» и В. Н. Крупина «Крестный ход», можем сделать вывод о том, что оба произведения имеют ряд схожих черт, приближающих их к путевым очеркам: описывается ряд встреч, событий, произошедших по дороге к определенному объекту; повестям присущи конкретный хронотоп, четкая локализация пространства и времени, автобиографичность, фиксация впечатлений, социальных традиций русского народа. Помимо видовой общности можно отметить и идейную близость данных рассмотренных произведений: они имеют похожие образы, сюжеты, темы, стилистику.

При сопоставлении творчества В. Н. Крупина и писателей первой волны русского зарубежья нельзя не отметить и произведения, основанные на житийных сюжетах. Так, можно провести аналогию между повестью Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» (1925) и произведением В. Н. Крупина «Сергий Радонежский» (2014) из цикла «Рассказы о русских святых».

Названный цикл состоит из 26 рассказов, посвященных жизни канонизированных Русской православной церковью святых. В каждом из произведений есть описание жизни святого, его духовного подвига, значения деятельности в истории России и краткое обобщение – «Основные события жизни». Тексты сопровождаются иллюстрациями храмов, исторических мест, связанных с деятельностью свя-

<sup>1</sup> Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением авторской орфографии. – А. К.

того, фотографиями фресок, икон, картин с его изображением. Каждый рассказ посвящен не только описанию жизненного и духовного пути святого, но и определенной добродетели, воплощением которой является герой. Писатель объединяет структурные элементы традиционного жития и современной художественной литературы, что позволяет создать более объемные, яркие образы.

Прибегая к синтезу элементов светской и религиозной литературы, В. Н. Крупин продолжает традиции, заложенные в 1920-х гг. Б. Зайцевым в жизнеописании преподобного Сергия Радонежского. Оба писателя придерживаются канонической структуры жития: рождение в семье благочестивых родителей, отсутствие интереса к детским играм, монашество, основание обители, благочестивая смерть, посмертные чудеса.

Описывая одни и те же события, писатели разных эпох предлагают собственные, во многом схожие, варианты видения жития преподобного Сергия Радонежского. Для более удобного восприятия текстов оба автора используют простые синтаксические конструкции, несложную, понятную лексику. Для повести Б. К. Зайцева характерны описания природы, философские рассуждения. Размышлениями о судьбе Руси и влиянии на нее преподобного Сергия Радонежского дополняет свой рассказ и В. Н. Крупин.

Жизнь героя в обоих произведениях на первый взгляд кажется обыкновенной, незамысловатой. Однако духовный подвиг святого, сила его молитвы неизмеримы. Несколько идеализируя события, и Б. К. Зайцев, и В. Н. Крупин во многом объясняют победу на Куликовом поле именно молитвенной помощью Сергия Радонежского. Образ святого в обоих произведениях раскрывается в изображении постепенного, органичного восхождения к святости. Ссылаясь на Б. К. Зайцева, О. Михайлов отмечает: «Жизнь Сергия дает образ постепенного, ясного, внутренне здорового движения. Это непрерывное, недраматическое восхождение. Святость растет в нем органично» [6, с. 15].

В целом святые у В. Н. Крупина – неотъемлемая часть духовной истории России, ее аксиологические ориентиры. В своем восприятии личностей святых писатель близок к Б. К. Зайцеву, который отмечал особую типичность святых – *сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда любовь и поклонение в России* [7, с. 186]. И если Б. К. Зайцев стремился показать это сочетание в одном образе, то В. Н. Крупин создал коллективный портрет в целом цикле рассказов о жизни святых. Являясь носителями лучших человеческих качеств, истинного христианства, святые в произведениях обоих писателей учат верующих быть такими же, воспитывать в себе православные добродетели.

По Крупину, важнейшими чертами характера православного человека являются мудрость и справедливость, как у княгини Ольги, трудолюбие, как у князя Владимира Ясное Солнышко, смирение и почитание старших, как у святых страстотерпцев Бориса и Глеба, образованность, как у Нестора Летописца, любовь к ближнему, как у Петра и Февронии Муромских, молитвенность, как у Сергия Радонежского, ответственность, как у Тихона Калужского, оптимизм, как у святого старца Амвросия Оптинского.

Для создания образа Сергия Радонежского оба писателя использовали первое житие святого, написанное Епифанием и обработанное сербом Пахомием. При этом Б. К. Зайцев изображает многогранность характера преподобного: *Он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим – немой укор. Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере* [6, с. 84]. В свою очередь, В. Н. Крупин акцентирует внимание на одной черте – молитвенности: *Чтобы представить себе, что такое святость, молитвенность, вера православная, надо обязательно приехать в Лавру преподобного Сергия* [8, с. 154]. Главным достижением Сергия Радонежского, по мнению В. Н. Крупина, является то, что святой *спас Россию. И спасает ее. Как? Своими молитвами* [8, с. 155]. Игумен Иларион (Алфеев) определил сущность молитвы так: *это беседа с Богом, встреча с Ним, это диалог, который предполагает не только наши слова, обращенные к Богу, но и ответ Бога. Поэтому очень важно, чтобы мы умели не только говорить, но и молчать, чтобы мы умели вслушиваться в те глубины Божии, которые открываются нам через молитву* [9].

И В. Н. Крупин, и Б. К. Зайцев подчеркивают, что Сергей Радонежский является учителем для последующих поколений православных. Так, Б. К. Зайцев обращает внимание на духовное наследие, о котором важно напомнить в сложный для страны период: *Автору казалось, что сейчас особенно уместен опыт – очень скромный – вновь, в меру сил, восстановить в памяти знающих и рассказать незнающим дела и жизнь великого святителя и провести читателя чрез ту особенную, горную страну, где он живет, откуда светит нам немеркнущей звездой* [6, с. 20]. Роль Сергия Радонежского в распространении православия на Руси подчеркивает В. Н. Крупин: *Всего преподобным Сергием и его учениками основано около семидесяти монастырей* [8, с. 175]. Даже после смерти святого сила православной молитвы Сергия Радонежского помогает верующим: *Какое счастье, что у нас такой небесный защитник, ангел Русской земли, нашей любимой России* [8, с. 173].

Как отмечал О. Михайлов, «пережитое, страдания и потрясения вызвали в Зайцеве религиозный подъем. С этой поры он жил и писал при свете Евангелия» [6, с. 13]. Для В. Н. Крупина тема право-

славия всегда была актуальна, несмотря на то, что большинство текстов православной направленности появились лишь после изменения ситуации в государстве и появления возможности открыто говорить о религии. Сам писатель отмечал: «Я всегда был православным, всегда в доме была икона. И это стало моим навсегда»<sup>1</sup>. Неслучайно темы произведений В. Н. Крупина и Б. К. Зайцева перекликаются. Источником вдохновения для обоих авторов становится среди прочего гора Афон. Святому месту посвящены повесть Б. К. Зайцева «Афон» (1928) и две книги В. Н. Крупина: «Святая земля. Там, где прошли стопы Его» (2009) и «Святой Афон. Сердце православия» (2015).

Повесть Б. К. Зайцева автобиографична. Из предисловия мы узнаем, что писатель *провел на Афоне семнадцать незабываемых дней. Живя в монастырях, странствуя по полуострову на муле, пешком, плывя вдоль берегов его на лодке, читая о нем книги, я старался все, что мог, вобрать. Ученого, фило-софского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только* [6, с. 94]. Также конкретно Б. К. Зайцев говорит и о цели своей работы: *В этой небольшой книжке я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал. Повторяю, сама тема огромна. Я же ставлю себе весьма ограниченную задачу* [6, с. 94]. Родственную цель преследует и В. Н. Крупин, создавая сборник «Святая земля. Там, где прошли стопы его».

В книге В. Н. Крупина «Святой Афон. Сердце православия» собрана информация об истории и современном состоянии Афона. Писатель выступает не только как паломник, но и как исследователь святого места. Не лишённое эмоциональной художественной оценки автора, повествование наполнено конкретными историческими фактами, цифрами. В сборнике очень много внетекстовых элементов: фото, иллюстраций, текстов молитв, высказываний афонских старцев. В конце книги приводится библиография, в которой автор перечисляет 50 источников, в которых можно найти информацию об Афоне. Среди научных трудов, работ церковных деятелей, православных календарей, словарей, энциклопедий находим и ссылку на повесть Б. К. Зайцева. История Афона в книге В. Н. Крупина сопровождается размышлениями автора о вере, православии, святости, потому что просто констатировать факты, не выражая своего искреннего восхищения, писатель не может: *Были ли ты или не был на Афоне, все равно при этом слове слышится небесный звук чистой молитвы* [10, с. 6].

Если сравнивать произведения писателей об Афоне, то, на наш взгляд, больше оснований проводить параллель между повестью В. Н. Крупина «Афон» и сборником очерков Б. К. Зайцева «Святая земля. Там, где прошли стопы Его». Произведения можно отнести к паломнической прозе. Паломничество как общественное явление появилось на Руси одновременно с христианством. Древнейшим и наиболее известным описанием паломничества в Святую землю является «Хождение» игумена Даниила, побывавшего в Константинополе и Святой земле в 1106–1107 гг. Это сочинение послужило образцом для всех последующих произведений жанра паломнической литературы. Паломничеству в Святую землю и Афон посвящены книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Муравьева, «Странствия по Афону и Святой земле» П. Агеева, «Восемь дней на Афоне» А. Громова, «Пять дней на Святой земле и в Иерусалиме в 1857 году» А. Капустина, «Святой таинственный Афон» Г. Юдина.

Описания паломничества и у Б. К. Зайцева, и у В. Н. Крупина ведутся от первого лица, образы нарраторов автобиографичны – это глубоко верующие, начитанные, образованные люди. Интересно сравнить организацию паломничества с разницей в 100 лет. У Б. К. Зайцева это долгая, утомительная дорога морем после передвижения где-то пешком, где-то *на скромном животном, осторожно перебиравшем ногами с маленьким копытцами* [6, с. 27]. В повести В. Н. Крупина описывается паломничество, приближенное к экскурсии: удобные автобусы, гиды, десятидневные туры. Однако для обоих авторов важнее осознавать духовную составляющую этой поездки, а не комфорт.

Описывая свое паломничество, авторы со знанием дела используют церковную лексику: *В алтаре батюшка, архимандрит Феофан, совершает проскомидию* [11, с. 29]; *Я присутствовал в Пантелеймоновом монастыре на одной глубоко трогательной службе – акафисте Пресвятой Деве. Это служба дневная. В ее заключительной, главнейшей части игумен и два иеромонаха в белых праздничных ризах, стоя полукругом на амвоне против царских врат, по очереди читают акафист* [6, с. 127].

Также оба писателя хорошо владеют историей христианской религии: каждое место на Святой земле для них значимо, связано с тем или иным библейским событием: *Мы проходили подлинно «по святым» местам. Там у моря жил в пещере св. Петр Афонский – первый пустынножитель. Там Кавсокаливийский скит в память св. Максима Кавсокаливиты – «созжигателя шалашей». Дальше – пещера Нила Мироточивого* [6, с. 138]; *Все здесь молитвенно... зеленое и золотое сияние холмистых берегов Тивериадского моря, синее и серебристое мерцание его поверхности, по которой «яко по суху» ходил Иисус Христос* [11, с. 4].

Помимо описания духовных аспектов паломничества и В. Н. Крупин, и Б. К. Зайцев уделяют особое внимание быту Палестины, Святой земли. Так, В. Н. Крупин описывает и трудную судьбу рабы Божией

<sup>1</sup> Письмо В. Н. Крупина А. А. Кабылковой от 21 декабря 2016 г. (личный архив автора).

Евгении, и представителей охраны, которым чужды все душевные порывы паломников, и отношение к делу некоторых гидов вроде Зиты, которая больше гордится индустриальными достижениями своей родины, чем ее духовным наследием. Наличие этих сюжетных элементов подчеркивает присутствие публицистичности – одной из характерных черт творчества В. Н. Крупина. Аналогично в произведении Б. К. Зайцева показана жизнь бедняков, скромные обитатели, быт монахов.

Особый эмоциональный тон помогают задать притчи, используемые авторами. Например, для того чтобы подчеркнуть святость Палестины, В. Н. Крупин приводит притчу о паломнике, который считал себя недостойным войти в город Спасителя и лишь взял три камня от стен этого города. А Б. К. Зайцев пересказывает сюжет о том, как апостолы усомнились в силе Господа и испугались бури.

Повесть Б. К. Зайцева состоит из 12 глав, постепенно описывающих паломничество нарратора. Некоторые главы делятся на части (например, глава «Тихий час» включает в себя разделы «Библиотека», «Крин сельный», «Гробница», «Fuorilemura»). События разворачиваются в хронологическом порядке, достаточно четко локализуется художественное пространство. Аналогично строится и повествование В. Н. Крупина. При этом у Б. К. Зайцева описано одно паломничество, повесть цельная, четко прослеживается сюжет, а В. Н. Крупин использует материал нескольких поездок, поэтому главы хотя и посвящены разным аспектам одной темы, но связаны между собой меньше.

В анализируемых произведениях В. Н. Крупина и Б. К. Зайцева можно встретить и родственные образы. Так, Б. К. Зайцев обращает внимание на колокольный звон Пантелеймонова монастыря: *Я действительно хотел «поглядеть» его. Трезвон! Впервые был я так пронизан звуками, так гудело и со трясалось, весело трепетало все существо, звуки принимались и ногами, и руками, сердцем, печенью...* [6, с. 125]. Подобное восхищение вызывают и колокола на Фаворской горе у В. Н. Крупина. Писатель отмечает, что колокол Горненской обители особенный, он не похож на остальные: *...материнский, добрый, ласковый. Он будит к утренней службе, как мать будит своих любимых деточек: в церковь пора* [11, с. 28]. Оба автора делятся впечатлениями, связанными с колокольным звоном, его значимостью в жизни православного человека, сравнивают колокола разных монастырей. Совпадение этих образов неслучайно, ведь для православного человека колокольный звон издавна был особым элементом обрядности, значимым спутником всей жизни.

Также среди жизненных ценностей Б. К. Зайцева и В. Н. Крупина первое место занимает церковь, храм, духовность. Для В. Н. Крупина церковь – центр мироздания, именно она регулирует всю жизнь вокруг: *Сияние солнца провеивает храм, замирает в нем, благоговей перед молитвами, а лучи солнца все движутся по стенам, и кажется, что это не солнце идет в небе, не планета кружится, а сама церковь разворачивается и плывет в мироздании и следует небесным, одному Богу ведомым курсом* [11, с. 30]. Художественный образ очень ярко и точно передает жизненную позицию писателя как православного христианина.

С церковью, религией связаны и понятия счастья, смысла жизни в произведении Б. К. Зайцева: *Горы, ветры, леса, кое-где виноградники и оливки, уединенные монастыри с монахами, уединенный звон колоколов, кукушки в лесах, орлы над вершинами, ласточки, стаями отдыхающие по пути на север, серны и кабаны, молчание, тишина, море вокруг... и Господь надо всем, – вот это и есть Афон* [6, с. 97].

Несмотря на схожесть сюжетов, произведения В. Н. Крупина и Б. К. Зайцева отличаются стилистически. Так, В. Н. Крупин стремится подражать стилистике древнерусских текстов, поэтому «применяет» на себя роль агиографа, используя формулы самоуничижения: *И вот я думал: не может быть, чтобы вот сюда, этим людям, нам, таким грешным, Господь низвел с небес огонь. За что? Да впору под нами разверзаться земле, поглощать нас в бездну, чтобы очистить место под небесами для других, достойных* [11, с. 14]. Этот прием Б. К. Зайцев использует значительно реже, лишь в конце текста встречаем фразу: *В своем грешном сердце уношу частичку света афонского, несу ее благоговейно....* [6, с. 185].

Также В. Н. Крупин часто использует различные синтаксические приемы, стилистически приближающие повествование к религиозным текстам. Используются многочисленные повторы, кольцевые конструкции, полисиндетоны: *И как вспомнил акафист Ея Покрову... как вспомнил распев молитвы «Царице моя преблагая», как зазвучали в памяти высокие молитвенные слова акафиста...* [11, с. 9].

В произведении В. Н. Крупина много цитат из Священного Писания: *Первую принес от Престола Господня Архангел Гавриил: «Радуйся, Благодатная! Господь с тобою!»* [11, с. 31]; *...и очень трудно представить, как приходила сюда за водою Пресвятая Дева, хранившая в сердце своем выравнившиеся из него слова: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение рабы Своей...»* [11, с. 39]. Активное использование цитат (более 10) приводит к тому, что по стилю произведение максимально приближается к цитируемым текстам Священного Писания:

*Спаситель ушел к Отцу Небесному, оставив обетование вернуться. И паки грядет со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца...* [11, с. 55].

В тексте современного автора употребляются оригинальные лексические формы, не характерные для современного русского литературного языка. Например, мы встречаем форму *печалуются* – это явно устаревшая форма, актуальная для языка древних христианских писем. Еще один пример: устойчивое сочетание *Святой Безсмертный* [12, с. 59]. Слово «безсмертный» написано явно с нарушением орфографической нормы современного русского языка. Обоснование такого написания находим в статье «Бессовестный бѣс», вышедшей в православном журнале «Благодатный огонь»: автор рассуждает о природе приставок *без-* и *бес-* и после глубокого экскурса в историю русского языка приходит к выводу о том, что современная приставка *бес-* имеет прямую связь с бесом. Для глубоко верующего человека недопустимо писать в одном ряду слова «святой» и «бес». Кроме того, словосочетание «бес смертный» абсолютно алогично. Относительно правописания данных приставок В. Н. Крупин утверждает, что это «вопрос не русского языка, а русской жизни» [12, с. 16]. Еще одна грамматико-стилистическая особенность произведений В. Н. Крупина состоит в том, что все слова, имеющие отношение к Богородице, Иисусу Христу, почитаемым святым, включая местоимения, их заменяющие, В. Н. Крупин пишет с заглавной буквы. Таким образом он подчеркивает особо уважительное отношение к данным именам. Эти особенности написания играют значительную роль в звучании произведения, да и всего позднего творчества писателя, который стремится приблизить свой стиль к стилю церковных авторов.

В текстах и Б. К. Зайцева, и В. Н. Крупина раскрывается гражданская позиция писателей. Оба молятся не только за себя, но и за тех, у кого нет возможности побывать на Святой горе. Описание паломничества Б. К. Зайцев заканчивает словами: *Час пустынный, пред звездами, морем, можно снять шляпу и, перекрестившись, вспомнить о живых и мертвых, кого почитал, любил, к кому был близок, вслух прочесть молитву Господню* [6, с. 185]. Эту мысль как бы продолжает В. Н. Крупин: *Но хочется... помолиться за родных и близких, за Россию, подать записки греческим монахам...* [11, с. 51]; *Встал на колени, молился о Втором Пришествии, о милости к России, о себе, грешном, о родных* [11, с. 53].

Для писателей важно не только найти духовность в современном им мире, но и сохранить ее в сердцах миллионов: *Солнце, идущее с востока, помогает освещать землю, но ведь главный свет – свет Божий в душе. Он всем дается при крещении, и мы сами его затмеваем в себе. Только бы постоянно помнить о Господе* [11, с. 66].

При описании паломничества на Святую землю авторы делятся впечатлениями, переполняющими душу. Для В. Н. Крупина, как и для Б. К. Зайцева, путешествие к святым местам становится таким же лично значимым, индивидуальным путем познания, постижения истины, которую оба писателя видят в жизни по законам православной нравственности.

Произведения «Афон» и «Святая земля. Там, где прошли стопы Его» – пример сочетания литературного вида повести и публицистических паломнических записок. В произведениях повествование ведется в хронологическом порядке; в центре внимания, как правило, находится один герой, который совершает паломничество; отображается внутреннее восприятие мира авторами. При этом в анализируемых текстах называются конкретные географические объекты, повествуется о пути к ним, обращается внимание на быт жителей новой местности, подробно описываются увиденные памятники культуры, архитектуры. Наличие этих особенностей позволяет говорить о синтезе литературных видов в рассмотренных произведениях Б. К. Зайцева и В. Н. Крупина.

Продолжая традиции русской почвеннической прозы, заложенные в середине XIX в., сохраненные представителями первой волны эмиграции и «деревенской прозы» в XX в., в наши дни В. Н. Крупин способствует возрождению духовных и нравственных ценностей. Несмотря на принадлежность к светской литературе, В. Н. Крупин, как и И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, обращается прежде всего к духовному миру человека. При этом все эти авторы используют стилистические приемы как религиозной литературы (подчеркивают нравственную проблематику текстов), так и элементы публицистики (обращают внимание на социальную значимость рассматриваемых тем).

### Библиографические ссылки

1. Горбачев А. Ю. Современная русская литература. Писатели-почвенники 60–90-х гг. XX века. Минск : БГУ, 2003.
2. Безруков А. Н. Введение в литературоведение (теория литературы). 5-е изд., доп. Бирск : Бир. гос. соц.-педагогическая акад., 2009.
3. Колосов Г. В. Очерки и жизнь. Алма-Ата : Казахстан, 1966.
4. Крупин В. Н. Пока не догорят высокие свечи... : избр. проза. М. : Смирение, 2013.
5. Шмелев И. С. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1989. Т. 2 : Рассказы. Богомолье. Лето Господне.
6. Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский. М. : Дет. лит., 2004.

7. Зайцев Б. К. Белый свет : проза. М. : Худ. лит., 1990.
8. Крупин В. Н. Ввысь к небесам: история России в рассказах о святых. М. : Эксмо, 2014.
9. Игумен Иларион (Алфеев). О молитве [Электронный ресурс]. Клин, 2001. URL: <http://www.pravmir.ru/o-molitve-2/#ixzz3CBZSj2ho> (дата обращения: 20.08.2014).
10. Крупин В. Н. Святой Афон. Сердце православия. М. : Алгоритм, 2015.
11. Крупин В. Н. Святая Земля. Там, где прошли стопы Его. М. : Вече, 2009.
12. Крупин В. Н. Бессовестный бѣс // Благодат. огонь. 2000. № 4. С. 16–17.

## References

1. Gorbachev A. Y. [Modern Russian literature. Writers of nationalist trend in the 1960–90s]. Minsk : BSU, 2003 (in Russ.).
2. Bezrukov A. N. [Introduction to literary studies (theory of literature)]. 5<sup>th</sup> ed. Birk : Birk State Soc. and Pedagog. Acad., 2009 (in Russ.).
3. Kolosov G. V. [Essay and life]. Alma-Ata : Kazakhstan, 1966 (in Russ.).
4. Krupin V. N. [Until the high candles burnt] : visual prose. Moscow : Smirenje, 2013 (in Russ.).
5. Shmelev I. S. [Selected works] : in 2 vols. Moscow : Khudozh. lit., 1989. Vol. 2 : [Short stories. Pilgrimage. The Holy Summer] (in Russ.).
6. Zaytsev B. K. [The Reverend Sergiy Radonezhskiy]. Moscow : Det. lit., 2004 (in Russ.).
7. Zaytsev B. K. [White light] : prose. Moscow : Khudozh. lit., 1990 (in Russ.).
8. Krupin V. N. [High into the air: history of Russia in the short stories about Holies]. Moscow : Eksmo, 2004 (in Russ.).
9. Igumen Ilarion (Alfeev). [About prayer]. Klin, 2001. URL: <http://www.pravmir.ru/o-molitve-2/#ixzz3CBZSj2ho> (date of access: 20.08.2014) (in Russ.).
10. Krupin V. N. [The Holy Mt. Athos. The heart of Orthodoxy]. Moscow : Algoritm, 2015 (in Russ.).
11. Krupin V. N. [The Holy Earth. There, where His foots step]. Moscow : Veche, 2009 (in Russ.).
12. Krupin V. N. [Shameless evil spirit]. *Blagodatnyi ogon'* [Beneficial fire]. 2000. No. 4. P. 16–17 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.11.2017.  
Received by editorial board 06.11.2017.